

К. В. Вертяев*

СПЕЦИФИКА КУРДСКОГО НАЦИОНАЛЬНОГО ДВИЖЕНИЯ И ЕГО СОВРЕМЕННАЯ АКТУАЛИЗАЦИЯ В ТУРЦИИ И СИРИИ

Резюме. В статье рассматривается опыт последнего времени по становлению курдского национального движения в Турции и Сирии. Феномен курдов как нации, исторически разделенной политическими границами существующих государств, является предметом активного методологического поиска с точки зрения историко-политического прогнозирования перспектив и последствий той или иной формы самоопределения, в первую очередь в контексте возможного провозглашения курдского независимого государства на севере Ирака, также перспектив полунезависимой курдской автономии на севере Сирии. Главная проблема заключается в том, что границы и очертания этнического Курдистана во всех смежных странах носят условный характер и невозможно точно определить, где будут проходить границы подобного воображаемого государства, а любая попытка решить этот вопрос чревата как политическими, так и военными осложнениями.

Ключевые слова: Турция, курды, Курдистан, Сирия, Оджалан, РПК.

Summary. The article covers the period of the last decades in view emergence of kurdisch national movement in Turkey and Syria. The phenomenon of Kurds, historically divided by political existing boundaries now becomes the subject of active research with methodological point of view of historical and political forecasts, prospects and implications in such form of self-determination in the context of semi-independent Kurdish state in Northern Iraq, and Kurdish autonomy in northern Syria. The main problem is that the border and the outlines of ethnic Kurdistan in all neighboring countries are conditional and there is no possibility to determine the exact boundaries of such an imaginary state, and any attempt to resolve this issue is fraught with political and military risks.

Tags: Turkey, syria, Kurdistan, Ocalan, PKK.

В начале XXI в. вопрос национального самоопределения курдов продолжает оставаться неиссякаемым источником попыток обосновать возможность существования курдского национального государства на Ближнем Востоке в контексте различных современных политологических подходов к определению нынешнего статуса курдов как народа, имеющего равные права с другими нациеобразующими сообществами в регионе. Усилия курдских национальных элит из сопредельных стран, подчас обладающих разновекторными подходами к вопросам национального самоопределения, направлены в конечном итоге на реализацию курдами такого неотъемлемого пра-

* Вертяев Кирилл Валентинович, кандидат политических наук, старший научный сотрудник ЦИСБСВ ИВ РАН.

ва, как национальное самоопределение, и концентрируются на закреплении национального статуса курдов и обеспечении совместными усилиями безопасности и всеобъемлющего мира в регионе. Достаточно сказать, что в современном курдском этноареале идейный посыл о том, что ни один курд, несмотря ни на какие политические, лингвистические и религиозные различия, не будет воевать с другим курдом, может стать одним из важнейших элементов интегрального вектора для курдской национальной мобилизации.

Сложность трактовок курдского вопроса на Ближнем Востоке заключается еще и в том, что он имеет две стороны политической манифестации. Во-первых, это проявление той или иной формы курдского национализма внутри каждого отдельного государства. Подобный национализм выражается, помимо прочего, в соперничающих идеологиях национальных лидеров и курдских элит, что приводит к фактическому отсутствию у них позиций, с которых они выступали бы с точки зрения обобщающего курдского национализма, построенного на осознании курдами своего единства, невзирая на разделяющие народ политические границы. Важным тезисом здесь выступает то, что, несмотря на имевшие место попытки ассимиляции, курды сохранили свой уникальный этнический облик с древности до наших дней, а установленный наукой период существования и формирования курдской народности превышает полторы тысячи лет¹.

Политические условия для развития общекурдского национализма осложнены разделенностью курдского народа между четырьмя основными государствами их компактного проживания. На практике воплотить такую идею пытались многие курдские политические партии — в основном левого толка — и в первую очередь Рабочая партия Курдистана (РПК). Политическая парадигма развития этой партии претерпела заметную трансформацию. Ныне выступая за сохранение территориальной целостности Турции, активисты РПК продолжают апеллировать к «воображаемому Курдистану» как к национальной объединяющей идее курдов. Достаточно сказать, что если турецкие курды, в том числе и бывшие повстанцы из числа сторонников РПК, стараются активно вести курдскую политическую агитацию в рамках правового поля турецкого государства, то в Сирии в результате разрушительной для страны гражданской войны идейно близкие к РПК курдские политические элиты фактически обособились от центрального правительства и приступили к осознанию и законодательному закреплению собственной автономии.

Курдский национализм как общественно-политическое явление, связанное с мобилизацией вокруг определенных культурных ориентиров, таких как язык, культура, общая история, становится одним из определяющих идейных факторов обоснованности собственной «самости» курдского народа, опосредованной и многочисленными социальными и политическими факторами, а также собственными стратегиями поиска путей этнополитической мобилизации. В своей основе такая мобилизация связана с утверждением в сознании адепта такого понятия, как родина, которое, опять-таки, только в сознательном поле имеет характеристики особого «воображаемого сообщества», имеваемого Курдистаном, накрепко связанным с географической территорией².

Однако при этом курдский национализм по-прежнему остается главным политическим вызовом территориальной целостности всех сопредельных государств, в границах которых расположен этнический Курдистан: Турции, Ирака, Ирана, Сирии. Носит ли он транснациональный характер в современных ближневосточных условиях и каким образом находит свое отражение в политических взглядах представителей многочисленных курдских диаспор в странах Западной Европы — этот вопрос нуждается сейчас во внятном, лишенном какой-либо политической ангажированности ответе.

Давая определение курдскому национализму, мы невольно апеллируем к тем модернистскими теориям, которые возникли в общественной социологической мысли Западной Европы в последнюю четверть прошлого столетия. Особенностью любого вида национализма (как идеологии) является то, что на протяжении всего своего существования он обрастает большим количеством разного рода коннотаций, ассоциаций и дополнительных значений, малоучитываемых в современных трактовках теории национализма, которые условно можно отнести к модернистским концепциям, поскольку они берут точкой отсчета развитие социального взаимодействия в обществах, сформировавшихся примерно к середине XVIII в. в европейских странах в связи с расширением книгопечатания и иных форм коммуникационного воздействия. Здесь в первую очередь стоит отметить концепцию, предложенную в 1983 г. Бенедиктом Андерсоном в его работе «Воображаемые сообщества», под которыми он подразумевал нации как сформировавшиеся сообщества незнакомых друг с другом людей, осознающих свое единство на почве идентичности языка и различных культурных кодов. К таким же концепциям стоит отнести и работы историка Эрнста Гелленера, в первую очередь его труд «Нации и национализм», а также работы Эрика Хобсбаума, Мирослава Хроха и ряда других авторов.

Как и любой другой вид национализма, курдский национализм является идеологией, а идеологию трудно оспорить. Его парадигма находится в противоречии с идеологическими концептами, главенствующими в странах компактного проживания курдов, и в первую очередь это касается турецкого национализма. Феномен курдов как нации, исторически разделенной политическими границами существующих государств, является предметом активного методологического поиска с точки зрения историко-политического прогнозирования перспектив и последствий той или иной формы самоопределения, в первую очередь в контексте возможного провозглашения курдского независимого государства на севере Ирака, а также перспектив полунезависимой курдской автономии на севере Сирии. Главная проблема заключается в том, что границы и очертания этнического Курдистана во всех смежных странах носят условный характер и невозможно точно определить, где будут проходить границы подобного воображаемого государства, а любая попытка решить этот вопрос чревата как политическими, так и военными осложнениями. Достаточно вспомнить богатый нефтеносный Киркук, вокруг которого идет межэтнический спор между курдами и арабами. Поэтому и название «Курдистан», скорее, чисто этническое, обозначающее территорию,

в которой курды составляют основную или значительную часть населения и которую сами курды считают своей исторической родиной.

Известный российский курдолог М.С. Лазарев справедливо отмечал, что главной особенностью становления курдского национализма являлось то, что он не имел чётких и более-менее постоянных фобий и адресов, по которым направляется его идеологическая и политическая активность. С начала XX в. в нем преобладала одна генеральная линия — борьба за независимость исторической родины курдов. Однако, безусловно, на развитии курдского национализма во многом сказались и отсутствие собственной государственности, когда не было условий становления собственной программы этнополитической консолидации для решения общенациональных задач³.

Особое значение при изучении поступательного развития курдского национализма на современном этапе приобретает анализ его исторической составляющей, и в частности системы политико-правовых договоров, заложивших после завершения Первой мировой войны основу существующего разделения этнического Курдистана между новыми субъектами мирового права. Речь идет о Севрском (1920) и Лозаннском (1923) мирных договорах. Согласно положениям Севрского мирного договора, предусматривалось создание в границах Турции автономных курдских областей, включая возможность обращения курдов в Лигу Наций с требованием предоставления им полной независимости. Однако эти условия были пересмотрены положениями Лозаннского мирного договора, в рамках которого курды вообще не рассматривались как субъекты международного права.

В современных условиях нельзя исключать того, что в случае провозглашения независимости Иракского Курдистана Турция может посчитать себя свободной от обязательств Лозаннского мирного договора и вернуться в состояние до или после Первой мировой войны. Дело в том, что неустойчивость и динамичность нынешней ситуации в регионе приводят к тому, что в Турции и странах Ближнего Востока крепится убежденность в фактическом крахе колониальной системы распределения сфер интересов европейских держав (система Сайкса-Пико, 1916 г.), легшей в основу формирования современных границ стран Западной Азии, в том числе и Турции. После Первой мировой войны этнографический Курдистан явился объектом раздела между новыми государствами, которые фактически не учитывали национальные интересы курдов и строились на весьма умозрительных соображениях баланса и управляемости. Однако в начале XXI в. наружу вырвались устремления народов и групп, копившиеся в условиях разочарования и ощущения несправедливости.

Современный курдский национализм во многом был взращен на протестных настроениях, нередко порожденных шовинистическим по своей сути курсом властей в странах, разделяющих этнический Курдистан, который процветал в эпоху мировых войн и последовавшим за ними периодом «холодной войны». Однако в начале III тысячелетия в курдском национализме изменились география, социально-политическое звучание, внешнеполитическая ориентация.

Поэтому гипотетический распад Ирака может интерпретироваться на Ближнем Востоке как распад вышеуказанной политико-правовой системы (системы Сайкса-Пико), во многом определившей границы в том числе и современного турецкого государства. Такой возможный демарш наглядно подкрепляется культивируемой умеренными исламистами из правящей Партии справедливости и развития (ПСР) внешнеполитической доктриной «неосманизма», основанной на продвижении интересов Турции в государствах, бывших некогда частью Османской империи, на фоне попыток нормализации отношений со всеми соседями и странами региона. В реальности же такая внешняя политика Турции, скорее всего, нацелена на создание некой формы единого рынка на Ближнем Востоке, естественно, при сохранении в нем ведущей роли Анкары. Опыт Европейского союза здесь будет рассматриваться в качестве определяющего, и по этой же причине опыт формализации политических границ с их возможной постепенной эрозией, как в объединенной Европе, видится исламистам из ПСР в качестве меры обеспечения стабильности в регионе, в том числе и в межнациональных отношениях.

В этой связи не лишним будет отметить, что в конце 2012 и в начале 2013 г. в Турецком Курдистане было создано несколько партий исламистского толка, которые используют курдскую идентичность как политический мобилизационный ресурс среди консервативных, исламистски ориентированных жителей юго-востока Турции. Сведение же требований курдов к «исламскому братству» и «общей религиозной судьбе», по мнению многих курдов, свидетельствует о том, что правящая Партия справедливости и развития не сможет в обозримом будущем гарантировать права курдам, изменив конституцию страны, а лишь использует подобные лозунги в пропагандистских целях. При этом сторонники светского развития из числа курдской политической оппозиции из Партии демократии народов (ПДН) считают, что реализация требований курдов в сфере образования, языка и культуры невозможна без радикальных демократических преобразований в современной Турции. Пакет реформ, объявленный премьер-министром Р.Т. Эрдоганом в конце сентября 2013 г., видится им явно недостаточным. Курдская оппозиция Турции считает, что усилия ПСР по консолидации собственной власти в стране привели к тому, что эта партия решает курдский вопрос не в интересах курдов, а по своим собственным представлениям, которые противоречат видению проблемы самими курдами. Для подлинного решения курдского вопроса, считают они, необходимо прежде всего единство самих курдов в решении курдской проблемы и признания национальных прав курдов мирным путем за столом переговоров с турецким руководством и курдской оппозицией. Сегодня курдский вопрос выглядит закоренелой проблемой, которая постоянно воспроизводит сама себя в политической жизни страны, несмотря на все усилия с обеих сторон. Этот тупик не должен исключать новых усилий по урегулированию конфликта мирным путем с целью стабилизации политической, экономической и социальной ситуации в курдских провинциях Турции. Новый стимул этому процессу был дан в результате инициативы, которая получила название «процесс Имралы», по названию острова в Турции, на котором находится в

заключении лидер курдских повстанцев Абдулла Оджалан, сутью которого является постоянный диалог между турецким правительством и лидером РПК, осуществляемый при посредничестве курдской Партии мира и демократии с ноября 2012 г. С ноября 2013 г. посредником в переговорах между Оджаланом и правительством Турции стала Партия демократии народов.

Нынешняя официальная позиция Турции в отношении курдского вопроса заключается в том, что курдский вопрос необходимо решать в рамках обеспечения прав человека, с уважением общечеловеческих ценностей, а не только лишь в рамках коммунитаристских понятий культуры и культурного разнообразия.

В целом можно видеть, что процесс национального развития курдов осуществляется в каждом курдском ареале в соответствии со спецификой самих государств и курдского национального движения в них. Некоторая часть курдских националистических организаций ориентируется на западную либеральную идеологию, нормы и институты. Другая часть курдов остается приверженцами развития Курдистана по социалистической модели, в рамках идеологии социал-демократического толка, выдвинутой А. Оджаланом, лидером РПК. Благодаря усиленной пропаганде наметился рост влияния А. Оджалана не только среди турецких курдов, но и курдов в сопредельных курдских регионах, а также в странах Западной Европы и России. В этой связи при изучении курдского национального движения большое внимание необходимо уделять проблеме лидерства в среде курдов, определения понятия «национального лидера», ведь в курдской националистически ориентированной среде проблема лидерства всегда выходила на первый план, становилась определяющей силой политической мобилизации.

В наши дни усилился процесс глобализации и трансграничного общения курдов этнического Курдистана благодаря развитию новых средств коммуникаций. Это было наглядно подтверждено в начале ноября 2013 г., когда курды Турецкого и Сирийского Курдистана резко выступили против строительства турецкими властями заградительной стены на турецко-сирийской границе, чтобы предотвратить неконтролируемые властью трансграничные контакты курдов. Очевидно, что изменения на Ближнем Востоке способствуют усилению курдской идентичности и этнополитической солидарности. Особую роль в решении курдского вопроса стремится брать на себя Турция, форсируя экономическое и политическое сотрудничество и сближение с Иракским Курдистаном и лично с Масудом Барзани как с важным посредником в диалоге с собственными курдами.

Важным стимулом актуализации курдского фактора в регионе стали события в Сирии. Среди сирийских курдов имелось большое количество нелегальных политических партий и движений. Однако с началом гражданской войны в Сирии стали предприниматься активные попытки национальной мобилизации в курдской среде, которая бы оставяла за бортом прошлые политические противоречия между различными курдскими политическими силами. Так, в октябре 2011 г. в Камышлы был создан Курдский национальный конгресс (КНК, KUK) — организация зонтичного типа, объединяющая партии

и движения Сирийского Курдистана. Причем ее второе заседание проводилось в январе 2012 г. уже в иракском Эрбиле.

Либеральное движение «За будущее сирийских курдов», выступавшее за осуществление плюралистической демократии в Сирии под руководством политического активиста Машаала Тамо, было обезглавлено его так и не раскрытое убийство в октябре 2011 г., в котором с разной степенью достоверности обвиняли как баасистскую контрразведку «аль-Мухабарат», так и боевиков РПК. В июле 2012 г. движение «За будущее сирийских курдов» фактически распалось на две фракции, когда часть его активистов не признали переизбрание председателя курдской ассамблеи в Камышлы.

За последние несколько лет в качестве наиболее влиятельной курдской партии на авансцену в Сирийском Курдистане вышла Партия демократического единства — ПДЕ (PYD), созданная еще в 2003 г. политическая группировка, обладающая к тому же собственными силами (отрядами народной обороны). С началом активной фазы сирийской гражданской драмы силы самообороны ПДЕ фактически взяли под свой контроль целый ряд городов, населенных преимущественно курдами, в провинциях Африн, Кобани, Камышлы и Хасеке⁴, расположенных вдоль турецкой границы, которые вскоре перешли в полуавтономное самоуправление.

В рамках внутрисирийского кризиса у ПДЕ была двоякая роль. С одной стороны, сторонники Оджалана традиционно пользовались поддержкой Асада, с другой — ПДЕ настаивала и продолжает настаивать на учреждении демократической автономии курдов в Сирии, причем это никак не связано со сменой политического режима в стране.

Другой влиятельной политической силой в среде сирийских курдов является Демократическая партия Сирийского Курдистана (ДПСК) — политическое ответвление Демократической партии иракских курдов. Влияние этой партии сильно среди курдов провинции Джизре, переселившихся туда во времена политической нестабильности в Иракском Курдистане еще в конце 50-х гг. и все это время лишенных прав на сирийское гражданство. Будучи достаточно влиятельной политической силой среди курдов Сирии, ДПСК выступает за кантонизацию курдского этноареала, выдачу всем сирийским курдам паспортов и федерализацию Сирии, вплоть до признания курдского языка в качестве одного из государственных.

От ДПСК в разное время откололись несколько курдских полулегальных политических партий Сирии. Это и Прогрессивная демократическая партия сирийских курдов (1965), и партия демократического равенства курдов (1998), Демократическая патриотическая партия сирийских курдов (1998), Партия свободы курдов («Азади») (2005 г., существует с 1980 г., когда именовалась Партией народного единства курдов).

Возможное политическое сотрудничество двух ведущих политических сил сирийских курдов — ПДЕ и ДПСК (т. е. сторонников А. Оджалана и сторонников М. Барзани) — затруднено целым набором объективных препятствий, связанных в первую очередь с идеологическими разногласиями. Однако с июля 2012 г. две партии сирийских курдов находятся в постоянном контакте,

и их сотрудничество зиждется в первую очередь на национальной идеологии и создании основ формирования автономии сирийских курдов. В частности, при посредничестве Масуда Барзани был создан Высший совет Курдистана (ВСК) как временный орган самоуправления сирийских курдов. На конференции КНК в Эрбиле в начале 2012 г. было заявлено, что основными ценностями национального движения курдов Сирии являются реализация права на самоопределение, децентрализация управления, демократизация общественно-политической жизни, провозглашение автономии, создание собственного парламента и внедрение формы демократического сосуществования разных народов на одной территории в рамках концепции «демократического конфедерализма», предлагаемой сидящим в турецкой тюрьме А. Оджаланом. Созданный 9 июля 2012 г. Высший курдский совет провозглашался органом самоуправления, в подчинении которого находились вооруженные силы самообороны. Во второй половине июля 2012 г. силы самообороны захватили несколько небольших городов на севере страны, населенных в основном курдами, а стратегически важный город Кобани, находящийся непосредственно у границы с Турцией, перешел под полный контроль сил самообороны (в действительности — под контроль ПДЕ).

Многие курдские партии в Сирии с началом гражданской войны в стране демонстрировали ту или иную степень лояльности антиасадовски настроенным силам оппозиции. При этом большинством курдских политических элит делался акцент на том, что они не будут участвовать в вооруженной борьбе с режимом Асада, а собираются вести борьбу за свержение режима демократическими мирными способами.

В современной теоретической политической литературе термин «самоопределение» имеет двоякий смысл. С одной стороны, он означает право выбирать народом форму управления, а с другой — право определять существование народа в форме национального государства. Однако подобно иракским курдам ведущие политические силы Сирийского Курдистана не уточняют в своих программах, реализуется ли это самоопределение в форме автономии либо независимого государства. Наряду с отсутствием реальной сплоченности курдского национального движения Сирии такая обтекаемая формулировка позволяет сделать модифицируемыми многие цели национальной борьбы, притом что ни одна из политических партий курдов Сирии не выступает за безусловное создание независимого государства, но ни одна при этом и не отрекается от данного тезиса.

Большинство курдских партий в Сирии настаивают на децентрализации управления в курдских регионах, что лежит в целом в рамках предлагаемой Оджаланом парадигмы «демократического конфедерализма» всех составных частей этнического Курдистана. Как уже указывалось, рупором этой идеи в политическом пространстве Сирии (если о таком термине вообще имеет смысл говорить) является Партия демократического единства в Сирии.

О формировании курдского автономного самоуправления было объявлено 21 января 2014 г. Созданная здесь республика Рожава («Запад», «Западный Курдистан») объединила три курдских кантона: Джизре, Африн и Кобани.

Столицей был объявлен кантон Джизре с центром в городе Камышлы. В совещании КНК, на котором было объявлено о создании автономии, приняли участие представители 52 политических партий, общественных организаций, в том числе женских, а также 15 независимых лиц. На заседании был зачитан проект Общественного договора (Конституции) Западного Курдистана.

Силовой контроль в республике Рожава сосредоточен в основном в руках отрядов самообороны ПДЕ, а два сопредседателя этой партии — Салих Муслим и Асия Абдуллах — фактически являются руководителями автономии. Помимо отрядов народной самообороны в подчинении ПДЕ есть женские отряды самообороны (YPJ). Наряду с этим М. Барзани также заявил о подготовке в Иракском Курдистане вооруженных формирований из числа сирийских беженцев для обороны контролируемых сирийскими курдами районов Сирийского Курдистана от вооруженных сил ИГИЛ⁵.

Республика Рожава в Сирии, по сути, это проект реализации принципа «демократического конфедерализма» курдов, т. е. суверенизации северных сирийских кантонов. Характерно, что такая национальная доктрина строится здесь на постепенном отходе от принципов собственно национального государства; в этом проекте акцентируется многокультурный, плюралистический характер политического образования, которое, являясь образцом прямой народной демократии, максимально дистанцируется от любых концепций нации-государства как одной из наиболее распространенных форм суверенизации народов в прошлом. Позиции с именно такой политической трактовкой сейчас являются приемлемыми для большинства основных политических сил курдов Сирии. Подобный конгломератный национализм сирийских курдов выражается в приверженности идее многокультурного, многоуровневого государственного уклада, которая, опять-таки, в идейном ключе соотносится с концепцией «демократического конфедерализма», предлагаемой находящимся сейчас в тюрьме лидером РПК Абдуллой Оджаланом в качестве взаимоприемлемой и взаимобязанной политической инициативы, направленной на разрешение межэтнических противоречий в курдском этноареале. Существование практически независимого Курдистана на севере Ирака, активное формирование автономии на севере Сирии не может радовать Турцию, которая столкнется с проблемой обострения курдского сепаратизма у себя в стране, если иракские и сирийские курды добьются своей полной самостоятельности.

Однако использование курдского фактора в Сирии в геополитических интересах третьих стран также играет немаловажную роль в актуализации в ближайшее время идеи полной самостоятельности курдов. По сути, в начале сирийского конфликта США и Турция предложили сирийским курдам воевать против режима Асада в обмен на лояльность и безопасность. Однако у сирийских сторонников Оджалана были очевидные договоренности с Асадом о взаимном невмешательстве и, возможно, помощи оружием. Также подконтрольные Асаду сирийские военные охраняли аэродром в Камышлы.

Активизация в северных районах Сирии и Ирака боевиков из ИГИЛ и их кровопролитное столкновение с курдскими силами самообороны за Кобани

привела к тектоническим сдвигам в захваченных боевиками районах: сотни шиитов, алавитов, христиан, курдов, в том числе езидов, бежали в курдские автономии на севере Сирии и Ирака. 17 сентября 2014 г. силы ИГИЛ начали масштабное наступление на курдские территории на севере Сирии с использованием тяжелого вооружения. В результате этого тысячи курдов вынуждены были бежать в Турцию. Проблема заключалась в том, что кантон Кобани оказался полностью отрезанным от остальных курдских регионов Сирии, вплотную примыкая к границе с Турцией.

Однако первые же месяцы сопротивления силам ИГИЛ показали жизнеспособность новой республики на севере Сирии. Становилось очевидным, и в первую очередь для Турции, что противостояние курдского ополчения в Кобани с боевиками ИГИЛ играет, безусловно, на руку дальнейшей суверенизации сирийских курдов. Для ИГИЛ Кобани — это важный стратегический пункт для продвижения на восток Сирии и выход к Средиземному морю. Его освобождение курдами при поддержке американских точечных бомбардировок в январе 2015 г. радикально изменило обстановку на фронте борьбы со сторонниками самопровозглашенного халифата, а возможно, и во всем внутрисирийском противостоянии. Учитывая, что его освобождение дарит надежду на возвращение (около 200 тыс.) курдам, оказавшимся беженцами в Турции, победа курдов над силами ИГИЛ за Кобани может стать дополнительным стимулом роста курдского патриотизма. С начала противостояния курдских сил самообороны в Кобани, а также курдов на севере Ирака с силами ИГИЛ курдские активисты по всей территории Турции продолжали вести активную агитацию за присоединение курдов Турции к борьбе с экстремистами на севере Сирии. В обращении говорилось, что «молодежь Северного Курдистана должна отправиться туда, чтобы принять участие в историческом сопротивлении». Однако до последнего времени официальная Анкара стремилась дистанцироваться от конфликта на севере Сирии и Ирака, несмотря на усиленные требования Ирана вмешаться и не допустить уничтожения Кобани силами ИГИЛ.

Учитывая всё это, необходимо отметить, что складывающаяся сирийская автономия курдов в условно-курдском многонациональном конгломерате, который объединяет курдов, арабов, туркоманов, имеет серьезные шансы быть рассматриваемой со стороны Турции в качестве угрозы своей территориальной целостности и безопасности. В связи с этим со стороны курдов нередко звучат обвинения о поддержке исламистами в Турции псевдогосударства ИГИЛ и его боевиков с целью предотвращения возможности создания подконтрольных РПК политических формирований у себя под боком. Для политического крыла РПК реализация проекта республики Рожава имеет принципиальное значение, поскольку фактически является для многих курдов прообразом формирования пропагандируемого Оджаланом демократического государственного сообщества.

Отряды народной самообороны Кобани к концу 2014 г. состояли из апохистов (боевые отряды РПК), бригады «Джабхат аль-акрад», подкрепления в

виде сил пешмерга из Северного Ирака, а также курдских добровольцев из Турции, Ирана, Ирака и стран Европы.

Последняя заметная региональная трансформация, так называемая «арабская весна», происходила в самой непосредственной близости от этнического Курдистана, и в настоящее время непредсказуемость ситуации с курдами во многом опосредована страстным призывом части националистически настроенных курдских элит к свободе, самоуправлению и процветанию. Однако одним из основных аспектов курдского вопроса в целом на Ближнем Востоке остается его региональный подтекст, а это, по сути, внутренний вопрос каждой отдельной страны, когда курдам, проживающим на территории Турции, Ирака, Ирана и Сирии, решать эту проблему необходимо с соответствующими национальными правительствами с целью обеспечения равных прав или создания собственной автономии.

Сирийские курды видят будущую Сирию как светское, демократическое, парламентское государство, в котором будут признаны права всех национальных меньшинств и религиозных общин, обеспечено равноправие мужчин и женщин. Большинство сирийских курдов склоняется к осуществлению иракского сценария, когда было создано федеративное государство, а иракские курды получили статус субъекта федерации. Однако они выступают против вмешательства внешних сил и за решение курдской проблемы мирным путем. Общая платформа позволила начать переговоры с сирийской оппозицией, и сирийские курды требуют признания, решения их проблем конституционным путем, недопущения конфликтов на религиозной основе.

При этом в целом сейчас можно утверждать, что современный этнический Курдистан не имеет географической, экономической, культурной, языковой и религиозной гомогенности. В настоящее время ни в одной из его частей (за исключением Иракского Курдистана) не происходит процесса формирования собственно курдского национального рынка, который, по определению Э. Хобсбаума, является основой для развития и экономического подъема среднего класса, подверженного влиянию националистической идеологии, которая в определенных условиях и ведет к формированию и созданию собственного государства⁶.

По-прежнему считая приоритетными задачи общекурдского масштаба, на деле курдские активисты сейчас стали все больше внимания уделять партикулярным целям, более насущным и реально выполнимым — борьбе за права курдов в отдельных частях разделенного Курдистана, включая создание национальных автономий, но при этом фактически не конкретизируя их географические и административные границы. Таким образом, курдский национализм в наши дни приобретает двойственный характер: интегральный и партикулярный. При этом партикулярные курдские «национализмы», разделенные географическими границами Турции, Ирака, Сирии и Ирана, не конкурируют между собой, а, скорее, дополняют друг друга, способствуя созданию картины современной жизни этнического Курдистана. Сложность в том, что идея интегрального национализма, конечной целью которого является гипотетическое создание единого воображаемого («Большого») Курдиста-

на, при современном раскладе сил в Ближневосточном регионе невозможно без перекройки государственных границ существующих государств. Однако это грозит большой войной, а этого никто не хочет допустить: ни сами курды, ни правительства соответствующих государств. Поэтому в полном объеме ирредентизм на курдской почве в настоящее время не может рассчитывать на реальную перспективу объединения вокруг какой-либо одной области, даже если это и будет полунезависимая курдская автономия в Ираке.

Однако идея общекурдской солидарности продолжает жить в умах курдских националистов, которые сами себя называют «курдскими патриотами». Они никогда не прерывали личных контактов друг с другом. И на Ближнем Востоке, и внутри диаспоры шел интенсивный информационный обмен, а также материальная помощь, включая деньги и оружие, в зоны вооруженного противостояния: сначала — на юго-востоке Турции, а ныне — в кантон Кобани. Таким образом, острота курдского вопроса последних лет во многом опосредована еще и становлением курдской автономии в Сирийском Курдистане, причем автономии анклавного типа, состоящего из трех курдских регионов — Африн, Кобани и Камышлы (Джизре), — заявивших в начале 2014 г. о своем суверенитете и совместно именуемые как республика Рожава. 2014 г. стал годом расширения зоны влияния курдской автономной администрации в Сирии в основном в результате борьбы курдов с влиянием группировок «Джабхат ан-Нусра» и ИГИЛ. В курдской автономии Сирии был создан законодательный совет, который 6 января этого года принял Общественный договор, по сути Конституцию автономного сирийского (или Западного) Курдистана. За последние три года в Сирийском Курдистане активно набирала силу Партия демократического единства, находящаяся под влиянием идеологии лидера РПК Абдуллы Оджалана, но не аффилированная с его партией. Основой идейного единства с главным идеологом РПК является принцип «демократического конфедерализма» курдов, который активно претворяют в жизнь сторонники этой партии в Сирии. Он заключается в стремлении создать, по сути, самоуправляемые территории, которые не будут носить характеристики «национального государства», а будут основаны на обеспечении максимальных прав проживающих на их территории этнических групп, а также гендерного равенства.

Выдвинутая ранее Оджаланом концепция «демократического конфедерализма» курдов в рамках смежных автономий четырех сопредельных государств вызывает опасения у правительства и экспертов Турции, поскольку, как они считают, такая воображаемая конфедерация может быть легко преобразована в независимое курдское государство с отторжением у Турции юго-восточных провинций. Вместе с тем оговоренная с РПК «дорожная карта» урегулирования курдского конфликта на данном этапе во многом не устраивает власти Турции, и они по этой причине всячески затягивают процесс дальнейших реформ, что вызывает ответное раздражение у лидеров РПК и их парламентских партнеров в лице ПДЕ. Недовольство РПК вызывает и содействие правительства Турции вооруженным исламистским группиров-

кам в Сирии, которые противостоят вооруженным силам курдской Партии демократического союза (ПДС).

Так, по мнению главы исполкома Сообщества народов Курдистана (СНК) Мурата Карайилана, эти военные действия боевиков-исламистов являются частью плана по недопущению усиления позиций курдов и получения ими власти в регионе. В долгосрочной же перспективе турецкие курды вряд ли удовлетворятся статусом признанного национального меньшинства в составе Турции, если их сирийские соплеменники получают более широкие права и свободы в новой Сирии. В своих заявлениях полевые командиры РПК всячески подчеркивают лояльность Оджалану как лидеру, но при этом считают предлагаемые ПСР рецепты решения курдского конфликта неприемлемыми и говорят о готовности продолжать борьбу. В частности, Карайилан вскоре после объявления Оджаланом перемирия заявил, что боевики РПК не должны складывать оружие и покидать территорию Турецкого Курдистана, потому что это «их земля, а вооруженные силы Турции выступают на ней в качестве оккупантов». Иными словами, оставаясь непрекаемым лидером турецких курдов, Оджалан все же не может контролировать боевую активность РПК, и дальнейшие переговоры отнюдь не гарантируют мирного процесса. Кроме того, функционеры РПК, постоянно подчеркивая свое право на «активную самооборону», форсируют принятие Турцией политических решений, которые закрепили бы автономный статус турецких курдов в составе Турции с гарантиями на конституционном уровне их культурных и национальных прав. В качестве рычага давления на Анкару руководство РПК в конце августа 2013 г. заявило о том, что приостановит вывод своих боевиков с территории Турции, если принятая «дорожная карта» будет заморожена. Факт сохранения в труднодоступных районах турецко-иракской границы (Кандильских горах и «Мидийской зоне самообороны»), а также в приграничных районах Сирии значительного числа вооруженных бойцов РПК будет оставаться весомым козырем во время дальнейших политических переговоров о гарантии национальных прав курдов Турции.

С другой стороны, становится очевидным, что провозглашение иракскими курдами полной автономии может повлечь за собой сложные тектонические сдвиги на всем Ближнем Востоке и породить конфликт с вовлечением геополитических интересов разных сторон, и в первую очередь Турции, поскольку фобия отторжения восточных провинций Турции на фоне возможных интегральных процессов национальной мобилизации в курдской среде, создание «Великого Курдистана» остается одним из главных вызовов для политического будущего Турции как унитарного единого государства.

Актуальность курдского вопроса может в перспективе привести и к тому, что мировым сообществом будет рассмотрен вопрос о закреплении статуса курдов путем учреждения их официального представительства в ООН, ввиду того, что они являются крупнейшим в мире национальным сообществом, не имеющим собственной государственности. До некоторой степени это может быть сделано со ссылкой на прецедент времен зарождения ООН, когда, например, в организации были отдельно представлены Украинская и Бело-

русская ССР, не имевшие формальной независимости. Целесообразность такого решения будет во многом опосредована дальнейшим социально-политическим развитием в курдском регионе Ближнего и Среднего Востока.

Примечания

¹ История Курдистана. М., 1999. С. 12.

² Здесь в первую очередь подразумевается тот теоретический багаж трактовок принципов национализма, который был сформулирован в работе Б. Андерсона «Воображаемые сообщества».

³ Лазаревские чтения. Вып. I. М., 2012. С. 47.

⁴ В январе 2014 г. провинции Камышлы и Хасеке были объединены в самоуправляемый курдский кантон Джизре.

⁵ Вертяев К., Жигалина О., Иванов С. Политические процессы в курдских ареалах стран Западной Азии. М., 2013. С. 105.

⁶ Вертяев К.В., Иванов С.М. Курдский национализм: история и современность. М., 2015. С. 334.